

Научная статья

УДК 398.8 (470.621)

ББК82.3-43(2=Ады)

У 58

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-148-154

**Повествовательные песни (1отэжь оредхэр)
в адыгской фольклорной культуре**

(Рецензирована)

Раиса Батмирзовна Унарокова¹, Кутас Нуховна Паранук²

^{1,2}*Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия,*

¹*raya_unarokova@bk.ru, ²kutas01@mail.ru*

Аннотация:

Рассматриваются фольклорные тексты, традиционно причисляемые к жанру «л1ызэкъо л1ыхъужъ оред» (мемориальная песня об одном герое), позже названные «песнями балладного типа». В целях определения художественно-стилевых особенностей анализируется серия повествовательных песен, функционирующих в западно-адыгской локальной традиции. Выделение песен повествовательного характера, номинированных нами как «1отэжь оредхэр», в самостоятельную жанровую подгруппу является правомерным. Полученные результаты могут быть использованы в решении проблем систематизации и классификации произведений народной лирики, а также в более детальном изучении конкретных жанровых образований.

Ключевые слова: адыгский фольклор, западно-адыгская локальная традиция, мемориальная песня об одном герое (л1ызэкъо л1ыхъужъ оред), повествовательная песня (1отэжь оред), песни балладного типа

Для цитирования: Унарокова Р. Б., Паранук К. Н. Повествовательные песни (1отэжь оредхэр) в адыгской фольклорной культуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4 (307). С.148-154. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-148-154

Original Research Paper

**Narrative songs (otezh oredhair)
in Adyghe folklore culture**

Raisa B. Unarokova¹, Kutas N. Paranuk²

^{1,2}*Adyghe State University, Maykop, Russia,*

¹*raya_unarokova@bk.ru, ²kutas01@mail.ru*

Abstract:

The paper deals with folklore texts, traditionally classified as “lyzekyo lykhuzhored” (a memorial song about a hero), later called “ballad-type song”. In order to determine the artistic and style features, we analyzed a series of narrative songs functioning in the West Adyghe local tradition. The separation of songs of a narrative nature, nominated by us as “otezh oredhair” into an independent genre

subgroup is legitimate. The results obtained can be used in solving the problems of systematization and classification of works of folk lyrics, as well as in a more detailed study of specific genre formations.

Keywords: Adyghe folklore, West Adyghe local tradition, a memorial song about a hero (lyzekyo lykhuzh ored), a narrative song (otezh oredhair), ballad-type songs

For citation: Unarokova R.B., Paranuk K.N., Narrative songs (otezh oredhair) in Adyghe folklore culture // Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art Criticism, 2022. No. 4 (307). P. 148-154. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-148-154

Введение.

В современной фольклористике проблемы определения жанровых границ, выявления художественно-стилевых особенностей конкретных текстов продолжают быть основополагающими в изучении как общих, так и частных проблем фольклорной культуры. В отечественной фольклористике, так же как и в зарубежной, историко-героический эпос один из широко изучаемых жанровых образований. Более детальный анализ специфики функционирования отдельных героических песен привел к необходимости уточнения жанровых границ и формулировки классификационных принципов. Так, некоторые историко-героические песни многими учеными рассматриваются в качестве народных песен-баллад. К примеру, Роджер О. Абрахамс и Джордж Фосс об англо-американской фольклорной песне-балладе пишут следующее: «A ballad is a folk song, but a folk song is not a ballad unless it tells a story. It might be about some aspect of love, work, religion, recreation, or any one of the various types of topics. It may be, and often is, of rather substantial length. Ballads are organized around and event which can be discussed in terms of action. The action can be related by a third person, from a dispassionate observer's vantage. It tells a story chronologically, and in in terms of beginning, climax and ending – «Баллада – это народная песня, но народная песня не является балладой, если в ней не рассказывается история. Это может быть какой-то аспект любви, работы, религии, отдыха или любая другая тема. Она может быть и

часто бывает довольно значительной длины. Баллады слагаются вокруг события, которое можно обсудить с точки зрения действия. Действие может быть рассказано третьим лицом, с позиции беспристрастного наблюдателя. Он рассказывает историю в хронологическом порядке, с точки зрения начала, кульминации и окончания» [1: 37].

Как видим, в зарубежной фольклористике в основе жанровой специфики балладной песни определяется событийность, история действия. В отечественной фольклористике уточняется, что баллада должна быть одногеройной и повествовать об одном эпизоде события. В фольклористическом адыговедении Аутлева С.Ш. и Налоев З.М., изучая историко-героические песни, обратили внимание на ряд героических песен, имеющих некоторые признаки баллады [2, 3]. Однако они не стали их исследовать в качестве самостоятельной жанровой группы. Лишь Гутов А.М. достаточно скрупулёзно рассмотрел песни балладного типа и определил их жанровые признаки. Мы попытались апробировать предложенные им выводы на серии западно-адыгских песен, которые несколько «выпадают» из привычных жанровых границ историко-героического эпоса.

Материалы и методы.

Источниковой базой данного исследования явились расшифрованные нами архивные и собственные записи десяти звуковых и двенадцати рукописных текстов (опубликованные и полевые) из коллекции адыгских лирических песен. Они являются составной частью

рукописного сборника, подготовленного нами к публикации в качестве очередного тома свода «Адыгский фольклор» и хранится в архиве Центра адыговедения АГУ [4: 44-95].

Сравнительно-типологический методологический принцип исследования и сопутствующие ему описательный и текстологический методы анализа позволили выявить малоизвестные жанровые образования в фольклоре западных адыгов (известные интерпретировать по-новому); подтвердить, а в некоторых случаях уточнить жанровые и художественно-стилевые особенности, обозначенные Адамом Гутовым на материале фольклора восточных адыгов (кабардинцев) [5: 123, 125].

Основная часть исследования.

В фольклорной традиции западных адыгов широко известны такие песни, как «Хьатх я Къокласэ иорэд» («Песнь о Хатхов сыне Кочасе»), «Борэжъым итхъаусых» («Сетования Боря Могучего»), «Тэшъау» («Ташау»), «Ещмэзэукъо Джанболэт» («Ешмазоуко Джанболет»), в вариантах – «Къуныуд» («Кунууд»), «Мысырокъуэм и уэрэд» («Песнь о Мысыроко»), «Хьагъур к1алэм иорэд» («Песнь о юноше из рода Хагуровых»). По формальным признакам к этой группе нами причислены «Фэкъолъыш1у иорэд» («Песнь о славном тфокотле») и «Пшгъэшгъэш1у иорэд»/«Пшгъэшгъэш1урэ, Шгъэош1урэ» («Песнь о славной девушке»; в вариантах – «Славные девушка и юноша») [4: 44-95]. Часть из них, как песни о Хатхов сыне Кочасе и Боре Могучем, имеют множество вариантов. Они многократно зафиксированы как на территории исторической Черкесии, среди российских адыгов, так и зарубежом, среди адыгской диаспоры, в особенности в Турции [6: 154-156]. Другая часть менее известна. Так, песня о Кунууде лишь дважды записана: в Республике Адыгея в 1960 году от Почешхова Ахмеда и в Турции от Женетль Айше в 1998 году нами. Песнь о

юноше из рода Хагуровых известна в Шапсугии (Краснодарский край) и Сирии (версия Тутуза Нурдина). Песнь о Мысыроко многократно записывалась в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Республике Адыгея (аул Ходзь) и в Турции. Наиболее известны варианты Кардангушева Зарамука, Гашева Нурбия и Думанова Кемаля. Музыкальный текст песни о славной девушке не сохранился, но нами обнаружено несколько ее вербальных вариантов. Данные песни собраны нами в одну жанровую подгруппу на основании того, что они имеют повествовательный характер. По-адыгейски мы их назвали, *1отэжь ордхэр* (досл.: ‘песни, в которых повествуется о некоем событии из прошлого’) по аналогии с народным обозначением жанров по функциональному признаку как *зек1о орд* – походная песня, *нысэгъ-эш1о орд* – «песня величания невесты» [6]. Данный термин ни в одном адыгском словаре не зафиксирован.

Из коллекции песен, обозначенной нами как *1отэжь ордхэр* – «повествовательные песни», лишь две песни (о Хатхов сыне Кочасе и Боре Могучем) из фольклора западных адыгов Гутовым А.М. отнесены к песням балладного типа.

Итак, по определению А. М. Гутова песни балладного типа имеют ряд характерных признаков: они обладают развернутым сюжетом, в котором «ясно выделяются основные компоненты сюжета..., основные мотивы представлены «в редуцированном» виде, ... структура повествования ориентирована на последовательность изложения событий» [5: 125]; «содержание песни заключено в изложении одного события, ... внимание концентрируется на одном герое и одном эпизоде из его жизни»; «... наполненная драматизмом концовка также один из жанровых признаков баллады; атрибутом жанра считается бытовой, «негероический», ... «бесславный» характер сюжета» [5: 126].

Анализ привлеченных нами к исследованию текстов из западно-адыгской локальной традиции подтвердил факт наличия жанровых признаков, перечисленных Гутовым А.М. и отмеченных нами деталей, что можно проследить на примере песни о Хатхов сыне Кочасе.

«Хъатх я Къокласэ иорэд» («Песнь о Хатхов сыне Кочасе») является одной из самых популярных. Она фиксировалась в репертуаре всех известных певцов-сказителей, начиная с 20-х годов XX века неоднократно публиковалась. В архивах АРИГИ и ЦААГУ хранится множество вариантов (фрагментарных и полных). Наиболее полной является шапсугская версия, которая сопровождается подробным преданием.

Следует заметить, что песня и предание, в данном случае и относительно других исследуемых песен, функционируют в фольклоре независимо друг от друга. Несмотря на это, в песне повествуется о тех же событиях, что и в предании (или сказании, как «Тэшъау»), т.е. сюжеты и там, и там почти идентичны. Такой факт имеет место быть, вопреки наличию в адыгской фольклорной традиции такого механизма хранения информации, как «единство песни с дополняющим и комментирующим ее преданием» [3: 24]. В некотором смысле такое несоответствие позволило выделить из героических песен те, которые без сопровождающего предания могут функционировать самостоятельно в виду того, что в песне повествуется о том же, что и в предании.

Возвращаясь к песне о Кочасе, заметим, что все его варианты имеют повествовательную форму и развернутый сюжет. В короткой экспозиции варианта Тлесток Сары (1927 г.р., запись 1980 года) [4: 68-71] сообщается, что Кочас – охотник и свой охотничий стан развернул в день Параскевы (т.е. в священный день – *бэрэскэшху*). Завязка – слух о выезде

Кочаса на охоту доходит до грозного князя Дауая. Далее действие начинается с двух позиций: в сторону охотничьего стана Кочаса направляется грозный князь, Кочас, в поиске своих исчезнувших охотничьих псов, взбирается на дерево и замечает некое темное пятно (*шлуцлэггэ мак1*), движущееся в его сторону. Догадавшись о возможной стычке с неприятелем, он обращается к своим спутникам:

*Синьбджэггъу шгаок1э,
Шгугум кгыжгудештэмэ, тьян тэ...*

«Мои друзья – молодые мужи, Если ваши сердца позволяют, мы будем драться».

Однако спутники Кочаса не были готовы поддержать его. Тогда он отпускает их и наказывает передать его родным устные послания: матери – *дарие джэнапхгэ гуцэр кгыпфехь шгу1о* «отрез на платье из парчи везет, скажите», сестре – *мышгъуры 1алгыны гуцэр сфешгъу тымжъа* «кольцо с родовой печатью передайте», жене – *шгыггэо джэ-нэ шлуц1э гуцэри кгыщышгулгэ* «оденьте ее в траурное черное платье», отцу – *клэк1ошхор тедзаггэуи кгацэжъ, шгу1о* «с буркой, накинутой на нем, его везут, скажите». А тем друзьям, которые покидают его, он сообщает в иносказательной форме:

*Неуцрэм ицэджаггэоми
Сыкгызымылгэаггэок1э шгукгэ-ежъ шгэо:*

*Кгъуалэхэр зыщызэаоуи,
Тыныухэр зыщызэбэнырэм
шгукгэек1уа.*

«Если к полудню завтрашнего дня

Не покажусь, отправляйтесь [в путь]:

Воронье, где грызется

И филины, где дерутся, явитесь».

Данные послания призваны сообщить каждому адресату соответствующую весть о предстоящем столкновении и возможном трагическом исходе [7: 70-72].

Кульминацией сюжета является встреча с грозным хатукайским князем Дауаем. Во втором развитии действия Кочас пытается проявить терпимость к незванным гостям: приглашает их принять угощение, если они проголодались, указывает дорогу, по которой можно выйти из леса, если они заблудились... Однако все предложения Кочаса пришельцами отвергаются. Унизительное предложение князя «сесть на круп его коня», т.е. сдать ему в плен, выводит героя из себя, и они вступают в бой. Кочас убивает князя и нескольких его спутников. Но силы оказались не равны, и он погибает. В заключительной части сочинитель сетует по поводу гибели героя, оплакивает его и прогнозирует последствия: хатукайская сторона пусть отдаст «почести» своему погибшему князю, а роду Хатхе подобает защитить честь Кочаса:

*Шъхъак1о зилэ Хъатхымэ
Къок1асэм илгъаусэ гуцъэри
арэшла.*

«Хатхи, которым нанесли [кровную] обиду,

[Пусть] взыщут плату за кровь Кочаса».

Таким образом, песня о Кочасе развернуто рассказывает об одном эпизоде: непредвиденной для героя, но коварно подстроенной врагом – натухайским князем, трагической встрече. Основной герой песни – Кочас, от лица которого ведется повествование. В своеобразный монолог героя встраиваются комментарии сочинителя (в основном они сосредоточены в экспозиции и развязке сюжета). В ткань повествования вплетаются две части диалога Кочаса, не связанные друг с другом, одна – с друзьями, другая – с князем. Как видим, стержневым элементом в композиционном строении песни о Кочасе, как и остальных рассматриваемых песен, является диалог.

Некоторое исключение составляет «Песнь о славном тфокотле» [4: 45-53], в которой действуют два

героя – мать и сын; сюжет представлен в усеченной форме; вся песня построена исключительно на диалоге матери и сына, в который вплетаются микросюжетные картинки.

Мать повествует о славных деяниях отца, который умел разговаривать и с князьями, и со своими тфокотлями (крестьянами), праведным словом решал конфликты, при этом не упускал возможности из любой ситуации извлекать выгоду для себя. Мать наставляет сына следовать примеру отца и переговорами добиваться цели. Однако сын не согласен. Он считает, что путь тфокотля изменился (*фэжбол1 гъогум зихъожьыгъ*) и с князьями следует бороться силой оружия. Драматическое противостояние матери и сына нарастает с каждой последующей частью диалога и разрешается признанием сына, что конфликт с князьями решен с помощью меча.

Повествовательная песня о Ташау¹ несколько отличается от песен, рассмотренных выше. Во-первых, в ее сюжет вплетены сказочные мотивы (об угольке-горевестнике, о преодолении дороги длиною в год за несколько часов), во-вторых, Ташау – персонаж двух разнохарактерных повествований: песни и одноименного сказания. Сказание «Ташау» (он существует только в бжедугской версии²) состоит из двух сюжетных линий: в первой Ташау в поисках жены совершает героические деяния, побеждает князя Кайтуко Бязрука, который попытался отнять жену; во второй – повествуется о поиске жены, похищенной ногайским

¹ Цикл сказаний и песен – 8 текстов о *Тэшыау* [Ташау] ошибочно отнесены к нартскому эпосу (см.: «Нартхэр», том III. 1970. С. 245-271), тогда как ни по сюжету, ни по характеру персонажей, ни по художественно-стилевым особенностям они не являются эпическими. Более того, один из героев данного сказания – историческая личность – кабардинский князь Кайтукин Бязруко, живший в XVII веке, другой – Ташау – типичный для жанра сказания персонаж – герой, рыцарь, который совершает героические деяния во имя спасения похищенной невесты/жены и погибает от рук коварных врагов.

² Сказание записано со слов Шаizzo Бия (1824 года рождения) из аула Пчегатлукай Теучежского района Республики Адыгея.

ханом и гибели героя. В эпилоге сказания сообщается, что народ сочинил песню о горькой судьбе Ташау. Обнаружилось, что действительно в фольклоре западных адыгов имеется единственная звукозапись песни о Ташау, сюжет которой повторяет вторую сюжетную линию одноименного сказания. Песня известна в звуковом варианте, записанном от сказительницы Беретарь Габидет (расшифровка данного текста публиковалась несколько раз [7: 94-99]) и рукописном – от Хаджиалиева Шеханчерия, зафиксированном в 1961 году в ауле Ппизов Шовгеновского района [8: 343-346].

В экспозиции сюжета песни о Ташау сообщается, что герой приезжает в гости к давнему другу, который оказался в отъезде. Он отправляется в гостевой дом (кунацкую) и застаёт там некоего старика, тоже гостя. Действие начинается в кунацкой, где с героем происходят невероятные приключения: на рубашку Ташау попадает горящий уголек и прожигает ее. По объяснению старика, уголек – это горевестник, который предупреждает героя о похищении жены – красавицы Дышекоч и разорении аула отца. Ташау отправляется в погоню, догоняет похитителей и вступает с ними в бой. Уничтожает врагов и возвращает жену и похищенное богатство. Здесь песня завершается, но как упоминалось выше, по сюжету сказания и варианту песни Хаджалиева, Ташау погибает в неравном бою. Вслед за ним красавица Дышекоч лишает себя жизни. Как видим, и данной песне присущи характерные для песен балладного типа жанровые признаки: односюжетность, одногеройность, развернутое повествование, которое поступательно разворачивается. Факт того, что трагическая концовка оказалась вне песни, говорит о подвижности

способов сюжетосложения в фольклорных текстах.

Заключение.

Таким образом, исследование показало, что в фольклористическом адыговедении все еще остается множество нерешенных вопросов, в том числе проблемы определения жанровых границ, уточнения характерных признаков отдельных текстов. Проанализированные в данной статье тексты, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, извлечены из историко-героического эпоса и песен, имеющих социально-бытовое содержание. Они объединены в самостоятельную жанровую подгруппу на основании наличия в них развернутого повествования. Данный цикл песен впервые номинирован нами как *Ютэжь ордэхэр* «повествовательные песни». Подобного рода песни, исследованные Гутовым А.М. на материале фольклора восточных адыгов, определены им как песни балладного типа и сформулированы их характерные признаки. Таковыми являются развернутое повествование, одногеройность, однособытийность, трагическая (негероическая) концовка. Исследование подтвердило универсальность данных жанровых признаков и для западно-адыгской локальной традиции. Факт наличия в адыгском фольклоре поэтических (песни) и прозаических (предания, сказания) произведений на одни и те же сюжеты, говорит в пользу правомерности выделения повествовательных песен (*Ютэжь ордэхэр*) в самостоятельную жанровую подгруппу.

В ходе исследования обнаружено, что во всех текстах данной подгруппы диалог используется как основной художественно-стилевой прием, тогда как монолог, организованный от лица героя, и комментарии сочинителя фрагментарно вплетаются в ткань повествования.

Примечания:

1. Roger O. Abrahams and George Foss, *Anglo-American Folk Style* = Роджер О. Абрахамс и Джордж Фосс, *Англо-американский фолк-стиль*. N. J.: Prentice-Hall, 1968. P. 37.

2. Аутлева С.Ш. Адыгские историко-героические песни XVI-XIX веков // Аутлева С.Ш. Избранные труды. Нальчик, 2018. С. 21-270.

3. Налоев З. Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Москва: Сов. композитор, 1986. Т. III, ч. 1. С. 5-34.

4. Архив ЦА АГУ. П. 47. Лирические песни адыгов (рукопись сборника). Раздел 1.2. – 1отэжь орэдхэр (повествовательные песни) и хыеш1 орэдхэр (очистительные песни). С. 44-95.

5. Гутов А.М. Песня балладного типа в адыгском историко-героическом эпосе // Вестник Адыгейского государственного института. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2013. Вып. 4 (247). С. 123-128.

6. Унарокова Р.Б. Адыгская фольклористическая терминология: история и специфика формирования // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии, 16-17 марта 2022 г.: материалы IV Междунар. науч.-методолог. конф. Майкоп, 2022. С. 121-124.

7. Тэшъау = Ташау // Свод адыгского фольклора. Т. 3: Сказания. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. С. 96-103; Тэшъао иорэд = Песнь о Ташауе // Бэрэтэрэ Хьабидэт кы1орэ адыгэ орэдыжъхэр = Песни в исполнении сказительницы Габидет Беретарь. Майкоп, 2010. С. 94-99; Ташау – звукозапись от Г. Беретарь // Архив ЦА АГУ. К. 198 (д. 22).

8. Адыгэ к1элэц1ык1у 1ор1уат = Адыгский детский фольклор. Т. XI // Свод адыгского фольклора / сост. Р.Б. Унарокова. Майкоп, 2019. 404 с.

References:

1. Roger O. Abrahams and George Foss, Anglo-American Folk Style (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968). P. 37.

2. Autleva S.Sh. Adyghe historical and heroic songs of the 16th – 19th centuries // Autleva S.Sh. Selected works. Nalchik, 2018. P. 21-270.

3. Naloev Z. Heroic laudatory and lamentable songs of the Circassians // Folk songs and instrumental tunes of the Circassians. M.: Soviet Composer, 1986. Vol. III, Part 1. P. 5-34.

4. Archives of TsA of ASU. P. 47. Lyrical songs of the Circassians (manuscript of the collection). Section 1.2. Narrative songs and cleansing songs. P. 44-95.

5. Gutov A.M. Song of the ballad type in the Adyghe historical and heroic epic // Bulletin of the Adyghe State Institute. Ser.: Philology and the Arts. Iss. 4 (247), Maikop, 2013. P. 123-128.

6. Unarokova R.B. Adyghe folklore terminology: history and specifics of formation // Materials of the IV International scientific and methodological conference “Preservation and development of the national language in the context of globalization: modern methods and technologies” (March 16-17, 2022). Maikop, 2022. P. 121-124.

7. Code of Adyghe folklore. Vol. 3. Legends. Maikop: Polygraph-Yug LLC, 2017. P. 96-103; Song of Tashaue // Songs performed by the storyteller Gabidet Beretar. Maikop, 2010. P. 94-99; Tashau – sound recording from G. Beretar // Archive of the TsA of ASU. K. 198 (d. 22).

8. Adyghe children’s folklore // Code of Adyghe folklore / Comp. by Unarokova R.B. Vol. XI. Maikop, 2019. 404 pp.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 08.11.2022; одобрена после рецензирования 29.11.2022; принята к публикации 22.12.2022.

The paper was submitted 08.11.2022; approved after reviewing 29.11.2022; accepted for publication 22.12.2022.

© Р.Б. Унарокова, К.Н. Паранук, 2022